

Александр Давыдов

Суверен

Сборник статей

Александр Давыдов

Суверен. Сборник статей

«Издательские решения»

Давыдов А. Г.

Суверен. Сборник статей / А. Г. Давыдов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743306-2

Книга представляет собой сборник статей, написанных в разные года для альманаха «Острог», журнала «Политические институты и процессы», ряда общественно-политических и экспертных сайтов. Темы статей касаются вопросов национальной идентичности, мифологического восприятия истории, стратегии иррегулярных войн, а также этнофедерализма и религиозных вопросов.

ISBN 978-5-44-743306-2

© Давыдов А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Вхождение	6
Идеологический симулякр: бунт кадавра	10
Конфликтное формирование национальной политической идентичности в свете концепции мятежевойны Е. Месснера	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Суверен Сборник статей

Александр Геннадьевич Давыдов

© Александр Геннадьевич Давыдов, 2017

ISBN 978-5-4474-3306-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вхождение

Новая фаза развития европейских ошметков того, что раньше принято было называть «постсоветским пространством», задает новую планку смены идентичности. Если двадцать лет назад жизнь обретали порывы сил, застоявшихся в советской канаве, то сегодня приходит время новых полноценных идентичностных проектов, с хорошо выработанными идеологией, символическим и ценностным пространством.

Экспансия новых рамок сознания и мировосприятия, рамок, долженствующих выдерживать напор информационной войны и решимость своих носителей умирать с этими словами и символами в сердце, требует осознания и понимания: в частности, потому, что огромного масштаба социальные процессы являют собой движение множества похожих друг на друга когнитивно индивидуальных психик. Здесь мы попробует сделать некоторые наброски эскиза изменений такого рода.

Сначала мы должны раскрыть контекст рассматриваемых изменений. Он сложен и первоначально разделяется на социальный, символический и когнитивный сегменты.

Социально осуществляется новый этап отступления от власти структур, преемствующих бывшей КПСС. Эта работающая больше столетия партия обречена уйти, но в силу чрезвычайно мощной организации и субстанциональности ее влияния на развитие народов, населявших Советский Союз, ее сопротивление влиянию новых исторических сил достаточно упорно, особенно в силу того, что эти новые силы только сейчас нарождаются и формируются. Новое поколение политиков, сегодня закаляемое Историей в тюрьмах и на фронтах, только начинает свой путь к возможности осуществления руководящих ими идей.

Далее, непростое экономическое положение славянских стран бывшего СССР рождает глубинное устремление участников исторической трансформации к изменению форм экономической жизни, сегодня подчиненных коррумпированным государственным структурам. Существование в атомизированных сообществах аморфных протогрупп людей с различными ценностными системами, предполагает новые социальные конфликты с неизбежным оформлением в идеологии одних ценностно-идентичностных систем и полного подавления других.

Символическое наполнение нынешней исторической ситуации состоит в тектоническом изменении символических структур миропонимания в славянских странах. Тяжелая глыба советского миропонимания с соответствующими символическими рядами все больше раскалывается и уходит в прошлое, люди, цепляющиеся за безнадежно устаревшую идентичность, формируют все более безумные сочетания и способны применения символов – от флагов в виде колорадского узора до соединения в одном послы кровавого триумфа Советской власти с приторной сладостью памятования о мучениках. С другой стороны, происходит мучительное и медленное формирование новых символических систем, отражающих миропонимание и идеологии новых субъектов истории, а также заполнение пустого пространства между конфликтующими полями разнообразной эклектикой и символическими системами, способными в нашем контексте удовлетворить некое количество личностей атомизированного общества либо небольшие группы по интересам – но не значимые социальные объединения, что лишает эти системы исторической перспективы.

Когнитивный сегмент контекста рассматриваемых изменений выражается в том, что политически-радикальные, военные и сущностно-социальные новые практики требуют быстрой и радикальной адаптации когнитивной структуры личности к изменениям. При этом резкая адаптация нужна не только человеку, внезапно для себя оказавшемуся на войне, но и человеку, попавшему под пресс информационной войны и заинтересованному в сохранении адекватности восприятия и самостоятельности своего мышления. Далее, новый

информационный контекст требует и нового и ясного позиционирования представителей той или иной общности, принадлежности к общности либо явному отторжению от нее.

Постсоветский индивид, вынужденный реагировать на эти изменения, обладает определенным набором достаточно однотипных психических, идентичностных и ценностных свойств. Речь, прежде всего, идет об эклектичности мировоззрения и символического наполнения его жизни. Эта эклектичность проистекает из общего хаоса смыслов и символов, свойственного любому периоду исторической ломки. Этот хаос относительно структурирован вокруг процесса оформления и вывода в формат социальных норм тех психических интенций, которые в прошлую эпоху не допускались к выражению, а теперь развиваются резко и стихийно. Это оформление, с одной стороны, обречено доламывать рамку советской идентичности, но, с другой стороны, вялотекущий конфликт между остатками универсалистичной советской матрицы и частными новыми интенциями и локальными социальными нормами не может быть разрешен полноценно до тех пор, пока не эти интенции не находят себя в новой идентичностной сетке, относительно универсалистичной в применении к мировоззрению современного, образованного и обладающего личным самосознанием индивидуума. Очевидно, что такой сеткой и становится национальное сознание, проистекающее из Мифа и идеологии, на его основании строящейся.

Ценностная составляющая индивидуума такого плана выражена достаточно слабо. Существуют, помимо уходящих в небытие советских норм и представлений, относительно локальные, но очень широкие по совокупному охвату ценностные системы, наподобие дворовой или уголовной, которые действуют и в обычных легальных локальных сообществах, выстраивающихся из тех, кто в детстве и юности принял именно такие этические квази-кодексы. Однако в целом представление о ценностях формируется по мере социализации в атомизированном обществе, что не добавляет порядка и адекватности ценностям, формирующимся вне целостной мировоззренческой системы.

К этому стоит добавить и ярко выраженный индивидуализм, личностное самосознание у сегодняшнего поколения взрослых людей. Будучи вынужденными самостоятельно отвечать на множество этических вопросов, каждый индивид формулирует свою личную этическую карту и, понимая ее сложность и неоднозначность, как правило, толерантен к другим картам аналогичного формата, но другого содержания. Иными словами, мы видим накопление своего рода когнитивных и психических предпосылок для выстрела новых мировоззренческих, относительно универсалистичных идентичностных рамок.

Личность такого состава, оказываясь в ситуации этнической мобилизации, не просто адаптируется либо противостоит новым условиям жизни, но стремится актуализировать свои психические интенции в новой мировоззренческой рамке. Этот драматический сам по себе процесс зависит своим протеканием от крена модели мобилизации: архетипической либо инстинктивной. Первый крен эти интенции, рвущиеся к выходу, облекает паутиной рефлексии и задает им сложно управляемое, но выверенное направление осуществления, что своим следствием имеет осуществление важнейших социальных перемен более прочно и меньшей кровью, нежели крен в инстинктивную сторону: этот крен, в свою очередь, дает большую свободу чистой энергии, но часто направляет ее в разрушительное русло. С другой стороны, сетка самосознания у личностей, попавших под действие модели мобилизации, кренившейся в сторону инстинкта, будет более простой и однозначной, что добавляет устойчивости новой матрице национального самосознания.

Далее, сформируем модель реакции индивида на изменение символического пространства его жизни в ситуации национального строительства. Прежде всего отметим, что индивид с вышеуказанными характеристиками тяготеет к восприятию новой универсалистичной мировоззренческой матрицы, но сила тяготения зависит от того, как матрица (выраженная в идеологии, как правило) дает пространство для воплощения его наиболее сильных пси-

хических интенций. Поэтому смешные результаты имеет камлание некоторых евразийских шаманов на Империю: интенции, с ней связанные, выразились полностью и соответствующие потоки психической энергии истощились. И поэтому все большую силу влияния приобретает «освободительное» мифологическое поле.

При этом модели мышления и поведения, сформированные ранее, продолжают работать, что порождает специфичный формат мобилизации, который мы видим, например, в значительном по масштабам краундфандинге, свойственном обоим сторонам донбасской мятежной войны. Отметим также, что хаотичное пространство универсального сегмента мировоззрения рождает постоянный тяжелый невроз, и хаотичное, распадающееся символическое поле аморфного постсоветского миропонимания становится хорошей базой, удобрением для рождения, развития новой национальной идентичностной матрицы. В свою очередь, ярко выраженное индивидуальное самосознание ищет не растворения, а воплощения, что приводит к крайне сложному составу дискурсивной формации национализма. Эта сложность либо органично сочетается с простой и эффектной системой символов, ценностей и идеологий мобилизуемых национальных конструкторов, либо входит с таким конструктором в конфликт, находящий снова социальное выражение: здесь примером может стать попытка государства РФ мобилизовать общность, номинально разделяющую российскую идентичность и систему ценностей, декларируемых этим государством, когда официально-патриотический конструктор был принят лишь частью общества, но вызвал и яростный протест других его частей.

Результатом, в случае успеха, становится новая и живучая национальная идентичность, которую жители политики принимают по умолчанию, прежде всего потому, что она отвечает запросам и позволяет выражать, воплощать интенции психики подавляющего большинства жителей политики. Формируется поле психических интенций, некомплементарное в попыткам чужих идентичностных либо идеологических вторжений. Революционно-военный формат нацбилдинга здесь способствует подавлению новой идентичностью, сформированной часто на линии огня, локальных и региональных идентичностей, некомплементарных новому формату психической и социальной жизни общества.

Какие эмоциональные и душевные изменения несет в себе нациестроительство в таком контексте для индивида?

Прежде всего, через сильное психическое напряжение он преодолевает целый комплекс неврототворящих явлений его прошлой психической жизни. Индивидуальное психическое существование находит новую и адекватную рамку бытия, и человек может высвобождать некоторые свои психические силы для осуществления позитивных устремлений в окружающем мире (например, засеивать те поля, в которых он же год назад рассыпал тысячи стреляных гильз). Период национального строительства протекать может не один год, в общем, он осуществляется поколениями. Но прошедшие через первый бурный этап люди рожают новый Миф своим душевным усилием. Также они проходят через определенный катарсис, по-новому выстраивающий иерархию ценностей и структуру мировосприятия. В целом изменения можно назвать позитивными, но в процессе их осуществления осуществляет массированное уничтожение не только материальной природы. Такой масштабный и энергозатратный процесс выдерживает не каждая психика, также люди, имеющее стойкое мировоззрение «старого» формата становятся вечной оппозицией либо покидают страну (а могут и не пережить изменения, нарвавшись целенаправленно на пулю). Безусловно, нельзя игнорировать и синдром посткомбатанта: славянский нацбилдинг без крови, как правило, не проходит.

Очевидно, что различные люди, по-разному включаются в жизнь новой политики. Здесь мы можем привести две крайности: человека, по идейным мотивам вступившего в революционные либо официально-военные вооруженные структуры и впоследствии отдающего

себя политической работе в националистической партии; и человека, вставшего с оружием в руках против новой идентичности в стремлении защитить старую либо ее остатки (ностальгия о СССР не мешала ополченцам «Брянки» жить за счет распиленных и проданных металлоломом советских заводов). Подавляющее большинство политики, безусловно, остается частными людьми занимается своими частными делами, но приоритеты в их осуществлении уже другие. В условиях сложноструктурированных и общества, и экономики подробную классификацию включенности в нацбилдинг и новую национальную идентичность здесь мы делать не будем.

История не проходит по нам. Она делается, и внимание к бабочкам сегодня важно: еще более важно внимание, понимание творящегося с нами в период рождения новой политики и новых рамок сознания. Здесь, даже желая быть в стороне от творящегося, мы не можем избежать строительства своего мира. Возможно, пониманию принципов такого строительства поможет и этот текст.

Идеологический симулякр: бунт кадавра

События прошлого и теперь нынешнего года поднимают очень острые проблемы, которые прямо касаются русского выбора и русских жизней. Люди приносятся в жертву Молоху восстающего советского кадавра, идемиурги консервативной революции тщательно следят, чтобы к мертвецу, уже непохожему на себя, пришивалась только свежая, еще теплая русская плоть: плоть мысли, плоть ветра, плоть выбора. Плоть душевной силы, извергающейся из нового русского тела, падающего от сильнодействующих свинцовых таблеток.

Сотни, а то и тысячи добровольцев были мобилизованы на борьбу за русское дело, за русское государство. Теперь белый рыцарь Стрелков зовет их обратно, а русские государства странным образом привержены советской символике и проявляют нетерпимость к национализму в любом его виде.

Такого рода мобилизация происходит не только здесь. Красиво обернутые идеологемы мобилизуют людей в самых разных областях жизни и ведут этих людей: но к результатам, обратным тем, что проявлены в идеологеме. Будущее незавидно: мобилизовать будут, возможно, на еще более страшные дела, чем раскручивание братоубийственной войны до степени, надежно отбивающей все возможности России к работе в Украине. Потому видится необходимым анализ такого явления, как красиво обернутые идеологемы.

И прежде всего здесь необходимо отметить, что эти интеллектуальные конструкты мобилизуют не социальные группы, взятые как целое (что свойственно идеологии, оформляющей групповую идентичность). Эти конструкты мобилизуют определенные категории представителей референтных социальных групп, и эти категории определяются некоторыми маркерами идентичности, свойственными членам референтных групп. При этом мобилизация производится с достаточно определенной штабом цели, и категории мобилизуемых оформляются достаточно четко. Также интересно, что при мобилизации используются элементы риторики, куски идеологий, и такое использование облегчается неорганичностью и излишней абстрактностью собственно «материнских» идеологий, от которых откалываются куски, требующие снести на свалку истории «бывшую Украину», а по факту заставляющие своих носителей сносить на свалку истории имперские возможности России – те самые, ради осуществления которых распропагандированные бойцы и отдают свои жизни.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью нахождения новых слов, обозначающих это относительно новое дискурсивное явление. Да, мы живем под Луной – но время концептуализации понятия наступает подчас сильно позже рождения означаемого, понятием очерчиваемого.

Видится в этом плане важным и определение конструкта, направленного на мобилизацию носителей определенных маркеров идентичности в целях, которые не соответствуют целям, выставляемым идеологиями, оформляющими идентичность мобилизуемых членов референтных групп. С одной стороны, это достаточно широкие и внешне осмысленные, подчас органические конструкты, оформляющие достижение определенной стратегической цели, что толкает нас к тому, чтобы назвать сии конструкты особого рода идеологиями. С другой же стороны, эти конструкты лишь носят вид идеологии, по факту являясь копиями. Но специфика этих копий такова, что они не копируют ни националистическую идеологию, ни имперскую идеологию, ни даже советскую идеологию. Вместо копирования имеет место быть лишь паразитирование на нарративе, без заимствования полноценных целей и задач, выставляемых идеологиями – и здесь мы обречены принять определение копии без оригинала – а именно, сформулировать дефиницию «идеологический симулякр».

Собственно, здесь мы сближаемся с бессмертным определением Маркса, понимавшего под идеологией форму ложного сознания. Тем не менее, сознание здесь реально существует,

а объективное знание сути общественных отношений возможно лишь в рамках жесточайшего субъективизма, навязываемого групповой идентичностью. Также и манипулируют новым пролетариатом не только и не столько капиталисты, сколько представители профессионально очень разнообразного правящего слоя: и непосредственным вкручиваем ереси в доверчивые головы занимаются люди, продавшиеся за пирожки с олениной.

Нам важно также сформулировать основные черты идеологического симулякра, отличающие его от реальной идеологии. Для этого, однако, придется поработать и с понятием идеологии. Помимо отличий, нам необходимо и рассмотреть просто важные черты идеологического симулякра, позволяющие его распознать раньше, чем он сумеет украсть нашу жизнь или нашу душу.

Потому займемся идеологией. Традиционно в наших контекстах она понимается как смысловой конструкт, предназначенный для основы мировоззрения определенной социальной группы, могущей объять как рабочий коллектив, так и целое государство. Такое понимание невозможно деконструировать, но возможно уточнить, и здесь нам хорошо поможет Дж. Шварцмантель с его оригинальным пониманием роли идеологии в современной жизни общества.

Американский политолог анализирует функции идеологии в прошлые исторические эпохи и сегодня, реконструируя процесс изменения западных обществ и, следовательно, формы осуществления их потребности в общенациональном мировоззрении. По мнению Шварцмантеля, идеология неоллиберализма после Второй Мировой войны безальтернативно победила в западном обществе, однако остальные универсальные идеологии не исчезли, а продолжили борьбу – уже не за доминирование, а за право на существование в дивном новом мире государства благоденствия.

Со временем в западном обществе установился некоторый паритет идеологий, обеспечивающий функционирование достаточно интересного феномена – идеологического поля, в котором осуществляется артикулирование господствующей неоллиберальной идеологии, «проигравших» универсальных идеологий – социализма и консерватизма (фашизм все же запрещен) и новых идеологий, о которых стоит поговорить подробнее.

Новые условия мировоззренческого существования западного общества изменили функции идеологии как инструмента влияния на изменения в обществе. Потому новым идеологиям, по словам Шварцмантеля, свойственен, прежде всего, относительно локальный характер. Этот локальный характер осуществляется в двух формах: либо новая идеология оформляет процесс достижения некоей социально значимой цели, либо он оформляет идентичность некоей социальной группы, вдруг оную идентичность остро ощутившей и стремящейся (ну мы же политологи!) к политической субъектности.

Таким образом, мы можем сформулировать основные функции идеологии сегодня. Идеология должна либо оформлять процесс достижения конкретной и масштабной цели, либо оформлять определенную идентичность, а следовательно (особенно в политическом смысле), формулировать и пакет задач и стратегических целей группы с данной идентичностью. Сей пакет должен постоянно обновляться, вследствие как изменений группы, так и изменений внешнего по отношению к группе социума.

Здесь мы формулируем главное различие идеологии от ее симулякра: идеология прежде всего оформляет самосознание группы, выстраивает древо задач, стоящих перед группой: а затем уже, по мере необходимости, мобилизует группу на достижение целей и выполнение задач. Идеологический симулякр, наоборот, нацелен сразу на мобилизацию – причем он мобилизует не на выполнение задач, объективно стоящих перед группой, а на выполнение задач, стоящих перед условным военкоматом, то есть перед людьми, к референтной группе не имеющими никакого отношения – но способными создать и актуализировать симулякр. Здесь крайне важно отметить, что для такого военкомата жизненно важно,

чтобы социальные группы, из которых он рекрутирует добровольцев, были по возможности расщеплены: чтобы их идентичность была максимально слабо и противоречиво выражена, а идеологическое ее оформление носило максимально аморфный характер. Приближая инструментарий к сегодняшней исторической ситуации, отметим, что здесь речь идет в первую очередь о социальных группах, существование которых в большой степени обусловленной именно особой идеологией, а уже во вторую очередь – особой религией либо цветом кожи.

Стремясь мобилизовать, идеологический симулякр не должен актуализировать самосознание референтных социальных групп: более того, самосознание группы должно быть по возможности крепко анестезировано. Симулякр же в процессе мобилизации опирается на маркеры идентичности, выражаемые в форме определенных идеологием либо иных элементов идентичностного дискурса референтной группы. Такое задействование идеологий порождает особенности дискурса, порождаемого идеологическим симулякром: множество идеологием в симулякре используется вне традиционных для своего пребывания и употребления контекстов, что порождает большое количество ярлыков и агрессивных лозунгов, и разрушает в некоторой степени саму лексику, используемую в дискурсивной формации данного симулякра.

Симулякр, вследствие своего мобилизационного характера, нуждается в широком охвате аудитории, а следовательно, в информационных кампаниях большого масштаба и направленных на различные референтные группы. Эта необходимость порождает два следствия. Во-первых, крайне важным в таком случае является мобилизация лидеров мнений и СМИ большого масштаба. И здесь решающую роль играет способность работников военкомата индоктринировать самих лидеров мнений и необходимых главредов. Во-вторых, необходимость мобилизации одним симулякром представителей большого количества идеологически обусловленных социальных групп требует большого разнообразия риторики, из чего следует высокая степень эклектичности конструкта и лексики, им обусловленной.

Стремление охватить мобилизационным натиском людей из самых разных идеологически обусловленных групп порождает крайнее разнообразие мобилизуемого нарратива. Это разнообразие, впрочем, имеет достаточно четко выделенную природу.

Любая идеология прямо либо опосредованно (условно, зеленая идеология – миф Просвещения) опирается на мифологию, то есть нерациональное повествование о богах, героях и мучениках, сопровождающееся богатым символическим рядом.

При этом могут существовать как родственные идеологии, опирающиеся на один миф, так и родственные мифологии, близкие либо преемствующие друг другу. Например, очевидно, что «мифология Победы» не является одновременно «красным мифом», но очевидно ему наследует. Потому использование в новом идеологическом конструкте материала этих двух мифологий выглядит достаточно органично.

С другой стороны, условно «Белый миф» и «Красный миф» друг другу рядоположны и противоречащи, вследствие чего адаптация «Белого мифа» к матрице советской идентичности порождает уже противоречивые конструкции, тянущие легким безумием, а соединение в квазиидеологическом конструкте «мифа Победы» и «Белого мифа», при определенной внешней схожести нарратива, будет носить ярко выраженный эклектичный характер, как и знамя с памятной диагональной границе полотн: прочность идентичности социальной группы в большой степени зависит от наличия и качества мифологии, служащей основанием данной идентичности.

Перед симулякром стоит относительно противоречивая задача: мобилизовать нужных людей так, чтобы они это сделали добровольно, но в большом количестве и были готовы себя чему-либо подчинить. Из этого следует необходимость мощного репрессивного

аспекта мобилизующего дискурса. Такая необходимость порождает снова большое количество агрессивных лозунгов и ярлыков.

Важно понимать большую разницу между мобилизацией идеологически обусловленной группы и мобилизацией некоторых категорий членов этой группы. Идеологическая мобилизация группы требует актуализации ее самосознания. При этом условный военкомат не может рисковать ставкой на актуализацию вышеозначенного самосознания: такая актуализация – дело не очень простое и присущее, в сущности, лишь членам этой группы, носителям ее идентичности. Вспышка самосознания предполагает серьезную саморефлексию интеллигенции этой социальной группы, каковая саморефлексия может привести группу совсем не к той мобилизации, которая нужна работникам идеологического военкомата.

Потому симулякр стремится актуализировать маркеры идентичности, присущие членам этих идеологически обусловленных групп. Здесь речь идет не о группе, а о категории индивидов со схожими элементами идентичности. Потому работники военкомата заинтересованы в том, чтобы идеологически обусловленные группы были лидероцентричны, а их лидеры были либо глупы, либо прямо зависимы от военкомата. Да, его обитатели могут носить майорские погоны.

Симулякр должен не просто задавать планку и русло неизбежной элементарной рефлексии по поводу событий, на участие в которых либо предотвращение которых он мобилизует своих жертв. Он должен, с одной стороны, надежно подымать человека на дело, а с другой стороны, блокировать и редуцировать возможность его рефлексии по поводу событий. Поскольку мы ведем речь преимущественно о социальных группах, чье существование обусловлено идеологически, задача выйдет относительно сложной. Но выполнимой.

Симулякр мобилизует социальные инстинкты, которые по определению сильны у людей, способных соорганизоваться в деятельные группы по идеологическому признаку. В одной из наших статей мы рассматривали возможности политической мобилизации, развернутые по фронту между двумя крайностями, архетипической и инстинктивной.

Условно архетипическая мобилизация в контексте нашего повествования присуща самостоятельной мобилизации социальной группы. Она порождает рефлексию относительно состояния группы и ее основных целей, актуализирует самосознание группы, и приводит к участию группы в определенных исторических событиях.

Иное инстинктивная мобилизация. Она направлена на мобилизацию инстинктов, в данном случае – социальных. Чувство стаи, вербализуемое не столько своими идеологами, сколько творцами симулякра: человек бросается в бой, не думая, потому что есть ситуации, в которых мужчина не должен думать, а должен бить. С точки зрения его мужского самосознания это единственно правильный вариант, а с точки зрения военкомата, в интересах которого строится и мобилизуется симулякр – это лучший вариант, именно потому что человек а – не думает, б – бьет того, кого надо быть сотрудникам военкомата, а не социальной группе, куски идеологии которой симулякр разворачивает.

В фундаментальной работе «Теоретические рассуждения о сущности психического» К. Г. Юнг приходит к возможности определения психики как конфликта между слепым инстинктом и волей. Здесь идет речь о том, что на определенном уровне психического развития функция, которую исполняет инстинкт, подвергается изменению направления своего действия посредством осознанной воли человека. При этом воля преодолевает инстинктивные устремления, не имея возможности их полностью исключить, так как влечения являются основой психической активности человека. Нам же становится очевидным, что проявление воли немыслимо без определенного элементарного рассуждения.

Если применить эти мысли к нашей работе, мы увидим, что симулякр стремится к тому, чтобы задействовать влечение, а волевые импульсы редуцировать и локализовать в определенных пределах, благодаря чему волевые качества мобилизованного симулякром чело-

века в определенный период времени могут приобрести очень высокую степень способности к напряжению. Человек не является животным по своей онтологии, потому, возможно, ему не убежать от воли так же, как и от инстинкта: и подтверждений этому факту море. Потому симулякр не блокирует волю и способность к рассуждению полностью, а лишь раскалывает сознание человека и пользуется энергией, выделяемой из расколотого сознания: в частности, это может быть энергия боли и стремления человека обеспечить себе психическое выживание, что и приводит нас к большому количеству случаев с людьми, едущими на войну за смыслом жизни. Полагаю, каждому знакомы и случаи, когда человек, рассказывая о важном в его жизни поступке, говорит, что его «перемкнуло»: симулякр и устремлен на то, чтобы перемыкало определенных людей в определенных местах их психической жизни.

Для идеологически обусловленной группы в недружественном социальном, политическом, информационном окружении можно сделать следующие выводы. Группа нуждается в существовании и развитии качественной идеологии, оформляющей ее идентичность и формулирующей ее интересы, цели и задачи внешней политики и социуме. Для группы важно обеспечить монополию на политическую мобилизацию своих членов. Идеал монополии такого рода – РОВС в 1941 году, сумевший за счет почти только идеологии мобилизовать большое количество своих членов на борьбу с СССР в составе немецких войск.

Для государства с неразвитым полем институциональной политики важно несуществование сплоченных идеологически обусловленных групп социальных групп с ярко выраженной идентичностью и хорошо развитой идеологией, а также низкий уровень социальной и политической культуры населения, что усилит эффективность идеологического симулякра как инструмента мобилизации.

Для государства с хорошо выраженным полем институциональной политики жизненно важно наличие хорошо артикулированного поля идеологий, усиливающего идентичностную мощь политики и способность общества к согласованию интересов различных социальных групп общества.

Не очень очевидно вытекающий из вышеизложенного, но важный вывод. Государство, не умеющее в идеологию и живущее идеологическими симулякрами разной степени качества, состоит в перманентном кризисе идентичности и обречено упасть, высвободив место для сплоченных, ясно осознающих свою идентичность и свои политические интересы групп.

Главный же вывод для человека, особенно человека, чуткого к идеям и способного к самопожертвованию, может выглядеть следующим образом. Сама по себе способность выстраивать систему убеждений, целостность психической жизни и способность к спокойной и относительно рациональной саморефлексии могут послужить важным подспорьем для того, чтобы сохранить свою самостоятельность и выжить, а далее – победить в борьбе идей, жестоко подавив обретший ныне черты суверенитета бунт кадавра.

Конфликтное формирование национальной политической идентичности в свете концепции мятежевойны Е. Месснера

В контекст глобализации прочно вписан процесс рождения новых политических национальных идентичностей, при этом новые случаи, происходящие сегодня, в эпоху постмодерна и постнуклеара, начавшуюся с крушением СССР в холодной войне, носят ярко выраженный этнический характер. Причем эти новые идентичности не целиком опираются на классические модерновые парадигмы, а используют их лишь как часть основания, сущность которого составляет представление о существовании некоего сакрального ядра суверенитета нового политического сообщества, новорожденного либо рождающегося. Данный процесс имеет нелинейный характер, взрываясь непредсказуемыми случаями всплесков национальной идентичности, подобно Большому Взрыву, рождающему новую политическую вселенную. При этом технологии и методы воздействия на этнические процессы в мире хорошо описаны, развиты и осуществляются. Однако методы, отлично работавшие сто и даже пятьдесят лет назад, сегодня работают не так хорошо. Языковое размежевание «наций», проведение новых государственных границ по этническому принципу, потакание стремлениям к политическому самоопределению этнических групп вне зависимости от наличия достаточных для этого оснований (суверенизация советских республик, боснийский случай) нередко приводят к результатам, диаметрально противоположным тем, которых ожидали проводники национальной политики. Одной из главных причин краха подобных случаев видится недостаточное понимание акторами данной политики некоторых черт общего контекста современных политических процессов. Эти недооцениваемые черты таковы:

– крайне широкие просторы формирования идентичности. Если в боснийской армии генерал-серб был исключением, то в событиях на Украине бойцы Майдана часто говорили по-русски, а в Харькове пророссийские активисты «Оплота» атаковали этнически русских же активистов «Патриотов Украины» и членов движения «Misanthropic Division», во время штурма своего офиса написавших послание потомкам буквально следующего содержания: «Не сдадимся. Мой Фюрер меня в Вальгалле ждет». Этнические предпосылки выбора идентичности в процессе нациестроительства не всегда доминируют над когнитивными и дискурсивными¹.

– сильное влияние политических и околополитических дискурсов на тип формирования и мобилизации новой политической идентичности. Очевидно, что близость того или иного национального дискурса гитлерианскому трансцендентному основанию влияет на степень радикализма развивающейся политической формации². В свою очередь, крайняя политкорректность того или иного национального дискурса (наподобие русского национал-демократического) лишает использующую его политическую силу возможности массово привлечь в свои ряды социально активную и националистически мыслящую молодежь. Понимание таких закономерностей позволит более качественно, чем ранее, влиять на развитие того или иного националистического проекта.

¹ См., например, интервью русского добровольца батальона «Азов»: <http://wotanjugend.info/articles/2014/05/intervyuu-russkogo-dobrovoltsa-batalona-azov/>

² О использовании политических мифов в целях политической мобилизации, в частности, в гитлеровской Германии: Э. Кассирер. Техника современных политических мифов. Режим доступа на 24. 06. 2014: http://www.intelros.ru/pdf/political-filosof/2011_4/6.pdf //

С другой стороны, видится полезным восстановление и актуализация интеллектуального наследия непримиримой белой эмиграции, прежде всего трудов Б. Смысловского и Е. Месснера. Помимо очевидной интеллектуальной ценности их работ, посвященных как раз процессам «воевания» «за душу народа», ценным видится и восприятие оригинального стиля мышления русских людей, не знавших советских социальных, культурных и учебных практик. Восприятие наследия Е. Месснера может сыграть большую роль и в генезисе новой русской идентичности, очищенной от советских наслоений.

В экспертном сообществе внимание к наследию выдающегося русского военного теоретика присутствует, однако автору не приходилось сталкиваться с полноценным анализом наработок Месснера. Возможно, это объясняется закрытостью некоторых каналов распространения информации. Здесь мы рассмотрим концепцию мятежевойны Месснера и основные понятия, применимые в анализе этнополитических процессов, в ее свете, и сформулируем возможные направления анализа той или иной ситуации через призму нашего видения проблем национальной идентичности.

Концептуальные основы нашего взгляда на проблему генезиса нации в контексте мятежевойны выглядят следующим образом.

Понимание нации нами сознательно упрощается до «суверенного, построенного на фундаменте горизонтальных, связывающих всех членов общности идентичностно-дискурсивных связей». Мы делаем сие упрощение по следующей причине. В свете сегодняшних событий, подтверждающих концепцию Месснера и являющих собой взрывное зарождение многих идентичностей, понимание нации обусловлено стремлением атрибутировать случаи нациестроительства как объект исследования конфликта. То есть экономические и культурные факторы оказываются второстепенными по отношению к фактору тяги сообщества к суверенитету или удержанию суверенитета, коя выражается в агрессивных действиях.

Таким образом, новая идентичность интересна нам прежде всего как субъект конфликтного взаимодействия, в рамках процессов

А) дестабилизации мира и крушения Структуры

Б) формирования новых, традиционных опор человеческого бытия. Иными словами, в контексте Мятежевойны и Ре-революции Е. Месснера.

Чтобы понять вопрос в таком ключе, при изучении случаев нациегенеза необходимо обращать главное внимание на идеи, порождающие новых конфликтных субъектов. Содержание дискурсивной формации национализма обусловлено относительно узким спектром идей, выраженных в «демиургических дискурсах» (национальном мифе)³ и имеющих прямое отношение к гипотетической точке начала общности. Далее содержание дискурсивной формации задает форму мобилизации общности.

Необходимо сформулировать еще одну причину нашего суженного понимания нации. Это сужение позволит использовать выработанный нами инструментарий по отношению к любой политической общности, подпадающей под наше определение. Учитывая, что жители, например, Донбасса – не нация и не горят желанием ею стать, а в мире существует немало региональных идентичностей, носители которых не стремятся к созданию независимых государств, и в целом тот факт, что «боевые идентичности» сегодня формируются на самых разных основаниях, слово «нация» в контексте данной работы приобретает полупустой характер, старую форму с новым содержанием, сближающим понятие с его древнеримским смыслом.

³ Леви-Стросс видит в мифе смысловую основу, оторванную от языка (т.е. трансцендентную), а в мифологическом мышлении – оригинальную форму мышления, по качеству мыслительного процесса не уступающую рациональному мышлению. Такое понимание мифа приводит нас к необходимости сближения двух пониманий национализма: как «дискурсивной формации» и как гражданской религии (К. Калхун). К. Леви-Стросс, Структура мифов. Структурная антропология. М., Астрель, 2011 г., с. 240.

Также нам необходимо сформулировать некоторые дефиниции, используемые в работе. Их содержимое здесь может показаться нетрадиционным, это также обусловлено спецификой нашего угла зрения.

Национальная идентичность есть общая когнитивная рамка восприятия индивидом себя как члена национального сообщества.

Национальное сообщество – сообщество, бытие которого обусловлено идеей национального суверенитета: это либо нация, либо сообщество, стремящееся стать нацией (сообщество националистов, группа интеллектуалов, разрабатывающая национальную идеологию, и т.д.).

Дискурсивная формация национализма есть сочетание дискурсов⁴, рождение и развитие которых обусловлены доминированием коммуникативных сигналов, мобилизующих в определенных ситуациях архетипы, обеспечивавшие социальное поведение, посредством которого сообщество осуществляло и защищало свое бытие в донациональное время.

Архетип есть нечто, присущее индивидуальной психике. Под архетипом политического действия в данном контексте мы будем понимать архетип, обуславливающий политическое поведение члена общности и носителя идентичности, присущей этой общности, изначальные, дорациональные «идеи действий». Поэтому актуализацией их разные субъекты воздействия могут заниматься в разных целях. И здесь мы подходим к рамке Месснера.

Чтобы эффективно поместить животрепещущую проблему конфликтного становления национальных идентичностей в контекст концепции мятежевойны Е. Месснера, нам необходимо привести эту концепцию к виду, который даст возможность полноценного анализа проблемы. Русский исследователь использовал в своих работах крайне оригинальный качественный стиль, многие его понятия сегодня сложно использовать без пояснений. Также есть необходимость в кратком описании концепции Месснера.

После окончания второй Мировой войны эволюция военного искусства вкупе с демократизацией политической жизни привела к совершенно новому типу противоборства в мировой политике. Прежде всего речь о процессе Революции, который и вызвал эволюцию военного искусства.

Революция – это болезненный процесс разрушения традиционных ценностей и христианской цивилизации в целом. «Есть признаки, что агрессия разрушителей Структуры усилится в скором времени. Структура (государственная, общественная, финансовая и, главное, моральная) погибнет под новым натиском, если не станет по-военному обороняться». Главными акторами, осуществляющими процесс Революции, Е. Месснер считал, во-первых, социалистические государства, прежде всего СССР и Китай, во-вторых, некое «фабианское общество», под которым подразумевается конгломерат тайных организаций, ведущих свою революционную деятельность в составе и под прикрытием национальных государств. Здесь, однако, мы должны сделать краткое отступление. Целевой аудиторией Е. Месснера была прежде всего непримиримая белая эмиграция. Это сообщество обладало свойствами субкультуры, в частности, достаточно специфическим мировоззрением, в рамках которого было естественным представление о всесиили неких тайных обществ, ведущих христианский мир к гибели. Будучи выдающимся аналитиком, прошедшим школу Генерального штаба, Первой Мировой и Гражданской войн, Месснер тонко улавливал и понимал тенденции мирового развития, но, будучи одним из самых радикальных представителей непримиримой эмиграции, он очевидно не мог не отражать в своих работах процесс «революционизации» как нечто, существующее и развивающееся не столько в рамках объективного направления развития, сколько в рамках «теории заговора». Поскольку предположение о «фабианском обществе» выглядит для нас сегодняшних экстравагантно, в рамках современного миропонимания мы

⁴ О национализме как дискурсивной формации см.: К. Калхун. Национализм. М., 2006

будем расценивать процесс Революции как процесс естественной энтропии человеческих обществ, лишенных традиционного сакрального источника синтропии. При этом существование, активность и мощь неких тайных сил видится нам фактом реальным, но поскольку оценить степень их влияния на общий процесс распада христианской моральной структуры общества пока не представляется возможным, мы будем рассматривать Революцию именно как объективный процесс социальной энтропии.

Итак, новые социалистические акторы осуществляют новую стратегию войны, что приводит к новому виду противоборства, который Е. Месснером определяет как мятежевойну. Мятежевойна ведется прежде всего в рамках коллективных психик противоборствующих сообществ. Главная характеристика этой войны – абсолютная эклектичность средств ее ведения, вытекающая из полной обусловленности стратегии этой войны взаимоположением коллективных психик сторон, иными словами, это борьба идентичностей.

Специфику нового типа войны Месснер видит в том, что это война не армий, но духа и нервов. Тезис «для войны нужны деньги, деньги и еще раз деньги» Месснер заменяет тезисом «для войны нужны нервы, нервы и еще раз нервы». Прежде чем приступить к описанию деталей концепции мятежевойны, приведем описание предшествующего ей процесса Революции.

Месснер выделяет шесть сфер человеческого бытия, в которых процесс Революции идет наиболее интенсивно, в которых Революции победа жизненно важна⁵. Начала Революции суть следующие: революции сознания, нравов, социума, экономики, политики, дипломатии. Революция сознания состоит в том, что влияние мира, дехристианизация сознания приводит, с одной стороны, к цинизму, материализму и сносу нормальных рамок мышления в обществах. С другой стороны, она провоцирует обращение народов к нехристианским, примитивным мистическим концепциям: смесь этих двух тенденций развития массового сознания порождает дегенеративные типы социального поведения⁶. Революция нравов заключается, по Месснеру, в экспансии сексуальности в публичную сферу жизни общества, что имеет следствием усиление агрессивности в обществе, не сдерживаемой нравственными рамками. Социальная революция выражается в том, что классическая социальная пирамида перестает существовать. Эмансипация женщин и усиление роли занимающихся физическим трудом в обществе приводит к потере социальной самодисциплины в умах людей. Экономическая революция выражается в урбанизации, автоматизации труда, усиленном влиянии государства на экономику, что по мере его включения в макроэкономические отношения и структуры подтачивает суверенитет; возникновение планового хозяйства, существующего в ситуации перманентного кризиса, формирование трехакторной системы макроэкономических отношений: между государством, рабочим коллективом и капиталистом. Общая тенденция экономической революции видится Месснеру в стремлении к установлению экономического властвования масс. Политическую революцию Месснер усматривает в господстве масс, которое выражается в диктате демократического порядка и учающемся количестве творимых массами политических переворотов. Дипломатическую революцию Месснер видит в деконструкции государственного суверенитета в пользу усиления роли межгосударственных структур.

Исходя из особенностей Революции, диктующих новые виды противоборства, Месснер выделяет следующие виды войска. Это мятежные массы, мятежные колонны, состоящие из сознательных бойцов противоборствующей стороны, тайно воюющих путем тер-

⁵ Е. Месснер. Всемирная мятежевойна. М., Кучково Поле, с. 18

⁶ Е. Месснер. Ук. Соч., с. 21

рора, саботажа и шпионажа, мятежное ополчение, сражающееся в качестве партизан и иррегулярной, но открытой военной силы⁷.

Понятие «мятежные массы» здесь равнозначно понятию «народные движения», относительно подробно раскрытому Месснером. Под «народным движением» понимается политизированная толпа, не являющаяся самостоятельным политическим актором, но направляемая реальным политическим субъектом. Управление народными движениями аналитик уподобляет коалиционному управлению войском: это управление сложно и нелинейно. При этом вопросы управления народными движениями взламывают старое понимание фронта и тыла: задачей стратега мятежевойны является управление народными движениями в своем и чужом стане. Соответственно меняется и поле боя. Целью войны становится «завоевание душ во враждующем государстве». В условиях отсутствия четкой линии фронта актуализируется четырехмерное пространство противоборства: земля, море, воздух, психика.

Мятежные колонны являются более четко структурированным видом войска. Они состоят из сознательных участников противоборства, не воюющих прямо. Их деятельность заключается в саботаже, шпионаже, создании различных, в т.ч. информационных и пропагандистских, помех. Структурным оформлением мятежных колонн может служить оформление каровой партии или тайной организации. Колонны эти нуждаются в относительно качественных координации и управлении.

Мятежное ополчение – это следующий этап развития боевой единицы мятежевойны. Ополченцы занимаются непосредственным вооруженным сопротивлением, носящим спорадический характер.

Мятежное ополчение – это уже иррегулярная вооруженная сила, способная вступать в самостоятельное боевое соприкосновение с противником. Стратегической целью мятежевойны Месснер считает превращение партизанского движения в ополченческие боевые соединения, формирующиеся на добровольной основе (пример – добровольческие сербско-русские соединения в восстании в Боснии и Герцеговине 1876 года, боевые подразделения ДНР). Однако по мысли Евгения Эдуардовича ополчение не является полноценным войском: оно слишком зависит от отношения к нему населения. С другой стороны, регулярные воинские соединения также теряют немалую часть своей боеспособности, так как не являются уже замкнутыми сообществами воинских кадров, профессиональных военных, а зависят свои настроением, следовательно, дисциплиной от общественных настроений в их государстве. И коль скоро воинские структуры мятежевойны сильно зависят от населения, детерминантой ведения мятежевойны должна быть именно работа с идентичностью, которая должна заключаться в идеологической и политически мобилизующей работе. Понимая сложность задачи управления общественными настроениями, Месснер пишет о необходимости большей специализации политической науки⁸.

Исходя из особенностей мятежевойны, мыслитель формулирует четыре задачи мятежевойны. Первые две задачи относятся к воинству: они состоят в укреплении духа своего войска и разрушении духа вражеского воинства. Следующие две задачи собственно отличают мятежевойну от обычной войны: это укрепления духа своего народа и разрушение духа вражеского народа⁹. Специфика мятежевойны по Месснеру состоит в том, что теперь стратег должен выполнять все эти задачи, при том, что в обычной войне он выполняет только первые две.

Месснер выстраивает следующий алгоритм действий при ведении мятежевойны: формулирование цели конкретного противоборства, выстраивание понимания пределов воз-

⁷ Е. Месснер. Ук. Соч., с. 65

⁸ Е. Месснер. Ук. Соч., с. 92

⁹ Е. Месснер. Ук. Соч., с. 65

возможности субъекта противоборства, постановка обусловленной пределом возможностей задачи, анализ вражеских средств ведения борьбы, оценка вражеского потенциала, анализ средств достижения цели, находящихся в руках субъекта, формулирование способа решения задачи¹⁰.

В процессе противоборства Месснер выделяет иерархию целей мятежевойны. Главное – это развал морали вражеского народа. Следом должно идти уничтожение активной части механизма сопротивления объекта – армии, партизанских соединений, народных движений – словом, всех структурированных и хорошо мотивированных на борьбу сообществ. Далее идет уничтожение либо захват объектов психологической значимости. Эту цель Месснер считает более важной, чем захват или уничтожение материально важных объектов противника. После того, как от власти противника освобождены, пусть и путем прямого уничтожения, объекты психологической и материальной важности, приходит время достижения эффектов внешнего порядка. Достижение этой последней цели легитимирует победу субъекта противоборства и, в отдельных случаях, является уже первым шагом в легитимации навязанного противнику политического порядка.

По мере достижения целей войны Месснер формулирует и задачи, которые необходимо выполнять в процессе достижения целей противоборства¹¹. Первой задачей такого рода является сбережение морали и духа «своих» средств противоборства, от народных движений и населения до частей регулярной армии. Второй задачей является сбережение подчиненных сил. Третьей задачей субъекта противоборства является сохранение в безопасности психологически и жизненно важных объектов: памятников, сакральных мест, инфраструктурных и логистических центров, иного. Последней по порядку, но не по значимости задачей Месснер видит обеспечение «связей с общественностью», иными словами – выстраивание правильного имиджа своих сил, обеспечение правильного позиционирования в обществе. Это необходимо, с одной стороны, для обеспечения поддержки субъекта противоборства «своим» народом, с другой стороны – это задача легитимации устремлений Субъекта в глазах общественно и политически значимых сил в рамках «своего» национального и государственного сообщества.

Месснер также раскрывает некоторые свойства мятежевойны как процесса. Во-первых, он определяет главным фактором мятежевойны дух. Переводя на наш секулярный язык, это значит, что детерминантой успеха в противоборстве является правильное выстраивание и внимательная, напряженная работа с идентичностной структурой воюющего сообщества и безопасностью каналов перетекания энергии из глубинных основ идентичности в конкретные военные, политические и общественные действия¹².

И здесь крайне важным видится умелая работа с архетипами массового поведения воюющего сообщества.

Месснер выделяет два вида пропаганды: словом и делом. Пропаганда словом – это классическая пропагандистская работа, в контексте «борьбы за дух» выражающаяся в деконструкции мировоззренческих, идеологических структур противника, пропаганда делом – это прежде всего демонстрация успешности действий «своих» сил, и захват психологически важных объектов. Яркий пример «пропаганды делом» – это разрушение памятников Ленину по Украине в процессе февральской революции, или же упорное удержание Сталинграда немецкими войсками.

¹⁰ Е. Месснер. Ук. Соч., с. 109

¹¹ Е. Месснер. Ук. Соч., с. 111

¹² Е. Месснер. Ук. Соч., с. 115

Также бывший начштаба Корниловской дивизии Месснер указывает, что для масс облик идеи важнее ее смысла. Этот факт обуславливает необходимость многоликости пропаганды и обеспечения информационной монополии субъекта в «своем» медиапространстве.

Таким образом, под влиянием процесса Революции (направляемый процесс социальной энтропии, свойственный всему миру) формируется новый и господствующий вид противоборства – мятежевойна. Однако, констатируя этот факт, который и сегодня осознается далеко не всеми, Месснер предсказывает иной процесс, процесс противодействия Революции. Он называет его «Ре-революция» и подразумевает духовное и социальное противодействие энтропии. Сущностно процесс Ре-революции противоположен процессу Революции, но структурно проходит в рамках Революции: то есть имеет ее облик и протекает в рамках мятежевойны – порождения Революции.

Детерминантой процесса Ре-революции Месснер считает религиозную составляющую духовной и социальной жизни человека¹³. Месснер выделяет ряд психологических моментов, дающих начало Ре-революции:

- Религиозность как базовое свойство души. Онтологическое свойство человека, заключающееся в непрерывном поиске и стремлении к некоему сакральному центру бытия.

- Возможность противопоставления идеализма торжествующему материализму. Под идеализмом подразумевается мировоззрение, основанное на представлении о том, что началом всего сущего является не материальное, а дух или некая идея.

- Засилье материализма, что вступает в противоречие с реальной сущностью человека и, следовательно, вызывает отторжение материализма.

- Идея свободы, понимаемая в рамках христианского мировоззрения. Свобода здесь заключается в понимании человеком своего положения перед Богом, временности своей жизни, большого количества объективно ограничивающих факторов жизни, прежде всего духовных, чье понимание отвращает человека от зла и побуждает к добру, тем самым продуцируя преодоление социальной энтропии и социально конструктивный тип поведения человека как личности и как представителя социума.

- Индивидуализм, противопоставляемый коммунистическому унижению личности. Индивидуализм в данном контексте приводит к восстановлению психологического состояния каждого конкретного индивидуума, что делает его менее манипулируемым членом общества, чем индивид, находящийся в перманентно тяжелом психологическом состоянии.

Выпускник академии российского Генштаба Месснер, опираясь на вышеописанные психологические моменты, описывает предпочтительные методы Ре-революции.

1. Необходимость многообразия идейного спектра Ре-революции для того, чтобы Ре-революция смогла завоевать симпатии всех человеческих рас¹⁴, иных социальных групп. Переводя на современный язык, сформулируем данное условие следующим образом. Должна существовать обширная дискурсивная формация, центром которой являются ключевые идеи Ре-революции в зависимости от конкретной общественной и политической ситуации. Эта формация порождает конкретные идеологические проекты, существующие в рамках одной дискурсивной формации, но способные мобилизовать конкретно «свои» социальные группы. На каждом новом уровне – раса, принадлежность к культуре, национальное сообщество, этническое сообщество, социальные страты – могут существовать (прото) идеологические конструкты, тесно связанные с общими ре-революционными идеями, но способные в своих рамках заключать ре-революционные мировоззрения людей, приверженных конкретной идеологии либо протоидеологии. Говоря о процессе генезиса национальной идентичности, отметим, что в контексте процесса Ре-революции конкретная

¹³ Е. Месснер, Ук. Соч., 78

¹⁴ Е. Месснер. Ук. Соч., 82

дискурсивная формация национализма (К. Калхун) должна качественно и органично сочетаться с идейным полем Ре-революции.

2. Обретение властной силы правящими демократическими режимами. Говоря о военных переворотах, таких, как в Испании в 1936 году, Месснер выдвигает тезис «лучше генералы, чем советские комиссары»¹⁵. В условиях советской экспансии напряжение властной воли демократий цивилизованного мира должно быть не меньшим, поэтому перспектива военного переворота более приемлема, чем перспектива левого политического переворота. Сегодня это отражает предпочтительность ограничения некоторых свобод ради укрепления национального организма в целях организации полноценной борьбы против энтропии и ее акторов перед перманентной нестабильностью демократических режимов, порождающей социальную и политическую энтропию, а следовательно – чреватой политическими властными проблемами более серьезного уровня, чем тот, который предполагает легитимистское ужесточение демократического политического режима.

3. По мысли Е. Месснера, Ре-революция должна не выглядеть реакцией¹⁶. По мысли военно-политического аналитика, это требование обусловлено необходимостью сохранения революционных методов, коими осуществляется Ре-революция, и способность Ре-революции увлечь за собой массы, стремящиеся ко всему новому. Здесь Месснер приводит примеры Наполеона и Гитлера, которые революционным путем привели свои общества к ре-революционным положениям¹⁷.

4. Необходимость генезиса моральной политики и возрождения национального своеобразия народов¹⁸. Возрождение моральной политики – это собственно выстроение новой иерархии властных ценностей, иерархии, в которой устремление к воплощению моральных принципов будет доминировать над конкретно-властными и материальными интересами. Устремление же Революции к обезличению наций должно иметь противодействие, потому что в своеобразии наций воплощается и индивидуальное человеческое своеобразие. И значит, восстановление своеобразия глобализирующихся народов суть выполнение программы возрождения морального и религиозного начала в человеке.

5. Месснер видит необходимой мобилизацию для Ре-революции особых людей, имеющих живое нравственное и религиозное чувство, способных сражаться и быть ведомыми в борьбе христианскими идеалами и образами героического прошлого, а не материальными интересами¹⁹. Месснер считал, что деятели Революции не будут нужны Ре-революции, если не переродятся.

6. Необходимость упора в борьбе на молодежь. Месснер обосновывал это, в частности, тем, что для молодежи, особенно в СССР, материализм – это уже не новое, а старое, консервативное, и именно в стремлении к новому молодежь будет сражаться на стороне Ре-революции.

7. Месснер считал, что Ре-революция должна проходить именно в форме мятежевойны²⁰.

Итак, дадим главные дефиниции, которыми будем руководствоваться далее в приложении к концепции Месснера.

Революция – это процесс, присущий массам индивидуальных психик и, следовательно, психик коллективных, национальных. Этот процесс является прежде всего разложе-

¹⁵ Е. Месснер. Ук. Соч., 93

¹⁶ Е. Месснер. Ук. Соч., 94

¹⁷ Е. Месснер. Ук. Соч., 94

¹⁸ Е. Месснер. Ук. Соч., 95

¹⁹ Е. Месснер. Ук. Соч., 100

²⁰ Е. Месснер. Ук. Соч., 106

нием, распадом сложившихся под влиянием христианской культуры и исторического развития народов моделей идентичности, что сопровождается распадом каждого национального социума внутри себя – обрывом внутренних социальных связей, семейного или корпоративного типа. Эти связи заменяются идейными и организационными связями между членами партийных, политических группировок, что ведет к перманентно усиливающейся нестабильности в национальных социумах и мировом сообществе в целом. Крайнее выражение этой нестабильности – это революционные взрывы, смерть одних политических порядков и рождение других, изначально нестабильных и зависимых от внешнего по отношению к данной стране политического актора (часто не одного).

Ре-революция – это прежде всего психический процесс, который заключается в стремлении индивидуальных психик к восстановлению и укреплению моделей идентичности, уничтожаемых процессом Революции. В политическом плане развитие Ре-революции предполагается в форме мятежевойны и революционных движений, которые, в отличие от «процессов Революции», восстанавливают субъектность и силы того или иного национального социума.

Мятежевойна суть война, ведущаяся прежде всего в рамках коллективных психик противоборствующих сообществ. Главная характеристика этой войны – это абсолютная эклектичность средств ее ведения, вытекающая из полной обусловленности стратегии этой войны взаимоположением коллективных психик сторон, иными словами, это борьба двух идентичностей.

Теперь рассмотрим наши дефиниции: национальная идентичность, нация, национализм в рамках процессов Революции, Ре-революции и мятежевойны. Мы рассматриваем эти дефиниции как факторы противоборства, факторы, влияющие на процессы Революции и Ре-революции и обуславливаемые ими факторы мятежевойны.

Национальная идентичность как фактор процесса Революции. В рамках процесса Революции национальная идентичность есть когнитивная рамка восприятия себя индивидом как члена суверенного сообщества. Но эта рамка в данном контексте обладает определенным своеобразием. Это своеобразие состоит в том, что она определяет прежде всего деконструктивные стереотипы политического поведения. Иными словами, в ходе Революции рамка национальной идентичности формирует «политического человека», действия которого носят деструктивный, экстремистский характер по отношению к «Другому» (в понимании К. Шмитта): либо к господствующему политическому порядку, либо к носителям иной национальной идентичности. Если мы вспомним тезисы Шмитта, высказанные им в «Теории партизана», согласно которой в новых политических противостояниях каждая сторона стремится к вытеснению противоборствующего актора из сферы межчеловеческих отношений²¹, иными словами – расчеловечению политического противника, мы приходим к выводу, что национальная идентичность в рамках Революции есть когнитивная рамка, обуславливающая крайне непримиримое отношение ее носителя по отношению к Другому.

Национальная идентичность в процессе Ре-революции также обладает своеобразием, но иного рода. Эта когнитивная рамка должна содержать в себе психологические установки, имеющие началом христианские принципы человеческого бытия. Также эта рамка обуславливает актуализацию архетипов политического действия, которые определяют конструктивное поведение человека: выстраивание политических структур, государства, сведение неизбежной для любой идентичности ксенофобии до максимально возможного в данных политических условиях минимума.

²¹ К. Шмитт. Теория партизана. Режим доступа на 24. 06. 2014: // <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> //

Национальная идентичность как фактор мятежевойны. Н. И. здесь – это рамка политического поведения члена суверенного сообщества (нации), которая наполняется содержанием и имеет структурные особенности, необходимые актору, чтобы мобилизовать сообщество на радикальные политические действия: насильственный слом политического порядка, или насильственное установление политического порядка, или экстремальные действия, направленные против Другого. Притом конечная направленность, конструктивная или деструктивная, определяется тем, в рамках какой тенденции осуществляется конкретный проект нации.

Нация в рамках тенденции Революции представляет направляемым внешним актором сообществом, которое разрушает условия своего стабильного бытия либо рождается, ломая прежний политический порядок, в интересах стороннего актора, заинтересованного в нестабильности в данном конкретном регионе.

В рамках тенденции Ре-революции нация видится сообществом, сплоченным на основе идеи суверенитета, и осуществляющим эту идею путем выстраивания политических структур на основе идеологии, в которой универсалистские принципы выстроены в рамках христианского миропонимания.

Нация как фактор мятежевойны – это суверенное сообщество, осуществляющее расширение либо защиту своего суверенитета в условиях перманентно нестабильной политической ситуации. Нация в условиях мятежевойны всегда является манипулируемым со стороны сообществом, и в процессе манипуляции создаются диалектические отношения, в рамках которых нация имеет возможность добиться максимально возможного для себя уровня суверенитета.

Национализм в рамках процесса Революции есть дискурсивная формация, которая в каждом конкретном случае выражается в идеологическом проекте или ряде идеологических проектов, мобилизующих носителей конкретной национальной идентичности на деструктивные действия, которые подтачивают основания жизнеспособности мобилизованного данным идеологическим проектом суверенного сообщества.

Национализм в рамках Ре-революции есть дискурсивная формация, осуществляющая сохранение и мобилизацию национальной идентичности, и выражающаяся в идеологических проектах, направленных на осуществление архетипов политического действия, обуславливающих конструктивное политическое поведение носителей данной идентичности, даже если в условиях конкретной политической ситуации суверенное сообщество вынужденно осуществляет агрессивные действия по отношению к Другому.

Национализм в условиях мятежевойны есть дискурсивная формация, содержащая в себе наполнение всех возможных идеологических проектов, направленных на политическую мобилизацию данного суверенного сообщества в целях осуществления субъектных политических действий в условиях мятежевойны.

В данном исследовании мы выстроили контуры понимания генезиса и развития национальной идентичности в рамках концепции мятежевойны Е. Э. Месснера. На основании вышеизложенного мы делаем следующий вывод.

В эпоху мятежевойны вопрос генезиса национальной идентичности приобретает инструментальное значение. Благодаря информационной революции создание идеологических проектов становится более легким в исполнении делом, и вопросы идентичности все меньше зависят в своем решении от этнического происхождения члена суверенного сообщества, и все больше зависят от матрицы идентичности, которая выстроена у него в психике. Поэтому, с одной стороны, контролировать процессы генезиса политической идентичности становится сложнее, с другой стороны, облегчаются манипуляции данными процессами. Следовательно, генезис устойчивой политической идентичности приобретает диалектическое наполнение. Оно состоит в следующем. С одной стороны, в сегодняшнем глобальном

мире любой политический процесс такого уровня напряжения обратит на себя внимание и влияние различных политических акторов мирового значения, что изначально ставит авторов «проекта нации» в зависимое от того или иного влияющего актора положение. С другой стороны, сам по себе факт суверенитета сообщества придает конкретной политической ситуации некоторую непредсказуемость. Рождение новой политической идентичности коренным образом меняет расклад сил в регионе и, чем сильнее становится суверенитет сообщества, тем более узкими становятся возможности манипулировать им в своих интересах. Очевидно, что на ранней стадии генезиса политической идентичности сторонний актор заинтересован придавать новому «проекту нации» такие направления развития, которые блокируют возможности сообщества в будущем добиться полного суверенитета, политического, экономического и идейного.

После того, как мы раскрыли основные черты концепции мятежевойны Месснера, и разобрали в ее ключе основные понятия, используемые в исследовании процессов генезиса политической национальной идентичности, появляется одна проблема. Она состоит в следующем.

Поскольку Месснер был прежде всего аналитиком, его тексты носят аналитический и весьма предметный характер; с другой же стороны, Месснер творил в отрыве от советской военной практики, научной и языковой среды, поэтому сегодня в рамках культуры и языковых особенностей, присущих постсоветским русским, Месснера непросто понимать и операционализировать выстроенные им концепты. Однако концепция мятежевойны может пригодиться для использования во многих сферах политической и военной деятельности. Поэтому необходимо сформулировать направления анализа в сферах общественной и политической жизни, связанных с генезисом новой политической идентичности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.